

Yet Hyperbolos did not receive sympathy from later tradition; for the later generations his history was only an instructive example of a «wrong» application of ostracism, upward flight and collapse of a «mean» person in politics. And a real «new politician» he was, appealing to all demos, to the Assembly, trying to introduce new methods and new morals of political struggle into the old framework. The result was deplorable for him personally, but his experience was taken into consideration: ostracism disappeared from the political life and the Athenian demagogues of the 4th century B.C. began to act differently.

© 1998 г.

БЫЛО ЛИ «ЗАВЕЩАНИЕ ЛИНГОНА» НАДПИСЬЮ НА ГРОБНИЦЕ?

Среди источников, на основе которых историки античности реконструируют различные стороны давно минувшего прошлого, надписям отводится особое место: во-первых, они принадлежат к группе так называемых синхронных памятников, привлекающих своего рода соблазном подлинности, который даже в самых скептически настроенных и «отравленных» методологической рефлексией исследователей вселяет надежду на возможность прямого и непосредственного контакта с людьми, жившими сотни и тысячи лет назад; во-вторых, даже весьма немногословные надписи (вплоть до керамических клейм) представляют собой тексты, самовыражение человеческого духа в словесной форме, т.е. в форме, максимально приближенной к способу самовыражения и самого историка. Этими – как, впрочем, и некоторыми другими, о которых не станем упоминать здесь, – причинами объясняется особенно трепетное отношение антиковедов к сокровищнице эпитафий. А среди текстов, дошедших до нас в виде надписей, найдется немало таких, которым вполне под силу поспорить за внимание ученых – будь то филологов или историков – с самыми знаменитыми произведениями античных авторов. Достаточно упомянуть хотя бы *Res gestae divi Augusti*, так называемую *Laudatio Turiae*, не говоря уже о записанных на бронзовых досках муниципальных законах из Испании.

В настоящей статье речь пойдет о документе не столь знаменитом и – скажем – положила руку на сердце – не столь значительном с общеисторической точки зрения. Однако хотелось бы надеяться, что предлагаемое вниманию читателя небольшое исследование не окажется вовсе лишним интереса.

Текст, называемый обычно «завещание лингона» или «завещание галла», был открыт Вакернагелем в муниципальной библиотеке Базеля и в 1863 г. издан Кисслингом¹. Это был находившийся в составе рукописи X в. лист, на обеих сторонах которого оказался воспроизведен текст завещания (вернее, некоторая его часть), оставленного, как следует из его содержания, неким галло-римлянином, жившим на территории *civitas Lingonum* в первые века Римской империи. Это завещание сразу привлекло к себе внимание: Э. Хюбнер уже в 1864 г. опубликовал комментарий к нему², вскоре оно было включено в издававшийся под руководством великого Т. Моммзена корпус латинских надписей, заняв свое место в томе, включавшем надписи Трех Галий (CIL XIII. 5708), а затем и в сборнике Г. Дессау (ILS 8379). С тех пор оно многократно воспроизводилось в хрестоматиях преимущественно юридического характера. Вместе с тем «завещание лингона», нередко использовавшееся в качестве иллюстративного материала, долгое время не было предметом специального рассмотрения. Положение изменилось в последнее время, когда этому памятнику был посвящен специальный коллоквиум, состоявшийся в Лионе в 1990 г.³ Причем при-

¹ *Kießling A. Anecdota Basileensia I. Basel, 1863. P. 4–5.*

² *Hübner E. Iscrizioni latine // Annali dell'Istituto di corrisp. archeol. 1864. XXXVI. P. 200–216.*

³ См. *Le testament du Lingon. Actes de la Journée d'Étude du 16 mai 1990 organisée au Centre d'Études Romaines et Gallo-Romaines de l'Université Lyon III / Éd. par Y. Le Bohec. Lyon, 1991.*

ложивший немало сил для возрождения интереса к этому тексту Пьер Саж выдвинул предположение о том, что средневековая копия, с которой мы имеем дело, восходит не к надписи на камне, а непосредственно к самому завещанию, исполненному на деревянных табличках или пергамене⁴. Вопрос о том, насколько обоснованно такое предположение, представляется не лишним интереса. Им мы и займемся.

Аргументы, которые привел П. Саж, на первый взгляд весьма убедительны. Однако не может не смущать тот факт, что ни Моммзен, ни Дессау, ни другие выдающиеся эпиграфисты, наверняка испытывавшие подобные сомнения, все же считали «завещание лингона» надписью.

Конечно, очень важно было бы иметь как можно более полное представление о культурном контексте той эпохи, когда был записан дошедший до нас рукописный текст. Считается, что речь должна идти о X веке. К сожалению, не будучи специалистом, здесь очень мало что можно сказать. И все же то, что некто, живший в X в. (или несколько ранее) скорее всего в том же регионе, что и «лингон», составивший завещание, – напомним, что рукопись хранится в Базеле, т.е. относительно недалеко от Лангра, центра *civitas Lingonum*, – старательно скопировал надпись на гробнице, представляется значительно более вероятным, нежели то, что кому-то пришлось в голову переписывать частный документ с табличек или пергамена. Первое предположение вполне вписывается в культурный климат эпохи – вспомним хотя бы, что примерно к тому же времени относится деятельность так называемого «анонима из Эйнзидельна» (городка в Швейцарии), который в ходе своего путешествия в Рим скопировал многие впоследствии утраченные надписи⁵. Напротив, переписывание завещания прямо с табличек или пергамена едва ли могло диктоваться какими-либо практическими соображениями или интересом к старине.

При всей серьезности текстологических замечаний (которые, впрочем, нетрудно объяснить, допустив, что имеющийся текст копировался не непосредственно с камня⁶), представляется, что главным для Сажа стало соображение о том, что не было смысла высекают на самой гробнице описание того, какой именно она должна была быть выстроена⁷. Однако именно этот аргумент кажется наиболее уязвимым, ибо предлагает объяснять внутреннюю логику поступков людей минувшего исходя из нашего собственного «здорового смысла». Куда более предпочтительным видится иной подход, ориентированный на объяснение тех или иных человеческих поступков исходя из жизненных реалий и представлений, свойственных людям изучаемой эпохи. Поэтому стоит проанализировать «завещание лингона» с точки зрения того, какое отражение нашли в нем как юридические, так и социально-культурные аспекты римской завещательной практики.

Едва ли есть необходимость много говорить о том, какое место в жизни римлян занимали проблемы, связанные с оставлением или получением наследства. Приведем лишь слова из «Тускуланских бесед» Цицерона, в которых забота о назначении наследников, составлении завещаний и возведении памятников умершим провозгла-

⁴ Sage P. Le testament du Lingon: remarques sur le texte et sur son interprétation // *Le testament...* P. 17–40; *idem*. Remarques sur le «Testament du Lingon» // *La Langue des Inscriptions latines de la Gaule. Actes de la Table-ronde tenue au C.E.R.G.R. les 6 et 7 Octobre 1988* (Université Lyon III). Lyon, 1989. P. 31–42.

⁵ Собранию надписей в этом кодексе (*codex Einsidlensis 326*) предпосланы *notae*, приписываемые грамматике I в. н.э. М. Валерию Пробу из Берита, в которых объясняются многочисленные сокращения, встречающиеся в текстах юридического и иного характера (*Iurisprudentiae anteiustinianae quae supersunt* / Ed. Huschke. V. I. Lipsiae, 1908. P. 82). Очевидно, сочинение грамматика должно было служить подспорьем для чтения и понимания латинских надписей, изобиловавших такого рода сокращениями.

⁶ Предположение о существовании «промежуточных» копий признается большинством исследователей (Sage. *Remarques...* P. 41; *Le Bohec Y. Le «testament» du Lingon et le Lingon du «testament»* // *Le testament du Lingon*. P. 43).

⁷ Sage. *Remarques...* P. 33.

шается лучшим доказательством бессмертия души⁸. Вряд ли стоит говорить об этом подробнее, ибо забота о том, что будет после смерти, очевидно, свойственна всем людям. А вот способы обеспечить исполнение посмертной воли могут довольно сильно различаться в зависимости от времени, места и иных конкретно-исторических обстоятельств. В целом римскую практику на протяжении веков отличало последовательное стремление гарантировать исполнение воли покойного, конечно, при условии, что та не противоречила ни законам, ни «добрым нравам»⁹. Тому доказательством служит вся эволюция наследственного права, в частности обеспечение значительной свободы в назначении наследников и широчайшее распространение фидеикомиссов – неформальных поручений наследникам или легатариям в пользу третьих лиц, первоначально основывавшихся лишь на *fides*, но постепенно получивших все более полную правовую защиту вплоть до уравнения их с легатами. Ограничения в распоряжении имуществом *mortis causa* могли обосновываться соображениями общегосударственной пользы (как в случае с брачным законодательством Августа, нацеленным на оптимальное воспроизводство гражданского коллектива и лишь опосредованно повлиявшим на свободу завещаний).

В рамках интересующей нас темы следует подробнее рассмотреть, какими способами обеспечивалось исполнение воли завещателя в том, что касалось его погребения и возведения надгробного памятника, ибо содержание сохранившегося текста «завещания лингона» ограничивается именно этими темами. Исходя из того, что главной целью составления завещания было засвидетельствовать последнюю волю покойного, рассмотрим последовательно сохранившийся текст документа, с тем чтобы определить как содержание волеизъявления, так и его форму с точки зрения соответствия нормам, известным по другим источникам. Для удобства последующего анализа выделим в тексте отдельные клаузулы, обозначив их буквами латинского алфавита.

A. В первых десяти строках (I. 1–10) говорится о гробнице (*cella memoriae*), которую завещатель повелевает соорудить в соответствии с описанием (*perfecti volo ad exemplar quod dedi*). Причем это описание (упомянуты экседра, статуя из лучшего заморского мрамора или из бронзы высотой не менее пяти футов, лектика и два сиденья опять-таки из заморского камня, а перед всем этим сооружением (*aedificium*) должен помещаться алтарь из лунийского мрамора, которому надлежит принять прах (*ossa*) покойного) столь скрупулезно и богато деталями, что на его основе не раз предлагались достаточно убедительные архитектурные реконструкции¹⁰.

B. Затем (I. 10–18) следуют распоряжения, касающиеся того, каким образом отпущенникам завещателя Филадельфу и Веру следует организовать поддержание в должном порядке памятника и окружающего его сада (*romarium*) с водоемом (*lucus*). В случае необходимости какого-либо ремонта должны предоставляться необходимые средства, а ухаживать за всем (*colere*) надлежит трем садовникам с учениками, с тем чтобы в случае смерти или удаления кого-либо из них, на место выбывшего заступал бы другой. Каждый из трех должен был получать по 60 модиев зерна в год и по 30 сестерциев на одежду от внука завещателя Аквилы и наследников последнего.

⁸ *Cic. Tusc. I. 14. 31* (пер. М.Л. Гаспарова): «Но самый лучший довод – это безмолвное свидетельство самой природы о бессмертии души: забота, и немалая забота каждого из нас о том, что будет после его смерти... Рождать детей, продолжать свой род, усыновлять наследников, заботиться о завещаниях, на самих могилах ставить памятники и похвальные надписи – не означает ли это заботы о будущем? (*quid propagatio nominis, quid adoptiones filiorum, quid testamentorum diligentia, quid ipsa sepulcorum monumenta elogia significant nisi nos futura etiam cogitare?*)»

⁹ *Cf. Pomp. 5 ad Q. Muc. = D. 50. 16. 120: Verbis legis duodecim tabularum his VTI LEGASSIT SVAE REI, ITA IVS ESTO latissima potestas tributa videtur et heredis instituendi et legata et libertates dandi, tutelae quoque constituendi. Sed id interpretatione coangustatum est vel legum vel auctoritate iura constituentium. См. также Biondi B. Impostazione del testamento nella giurisprudenza romana, nei codici e nella dommatica moderna // RIDA. 1966. XIII. P. 115.*

¹⁰ *Buisson A. Le tombeau du Lingon. Étude du cadre architectural et archéologique // Le testament du Lingon. P. 63–72. О месте гробницы лингона в культурно-религиозном контексте римской Галлии см. Hatt J.-J. La tombe gallo-romaine. P., 1951. P. 65 suiv.*

С. Следующие строки (I. 18–19) содержат распоряжение поместить с внешней стороны гробницы надпись с указанием имен магистратов, при которых будет начато строительство, и упоминанием о том, сколько лет он сам проживет.

Д. В строках I. 19–24 формулируется вечный запрет хоронить кого-либо в саду подле гробницы и делать что бы то ни было в нарушение порядка, описанного выше, который призваны гарантировать как наследник самого завещателя, так и его будущие наследники.

Е. Далее (I. 24–27) следует более общее определение будущего правового режима погребения: изложенные распоряжения прямо называются *lex* и сообщается, что «закон»¹¹ этот провозглашается навечно (*loco autem huic lex haec in perpetuum dicitur*), с тем, чтобы после самого завещателя никто не имел права ничего делать с этим участком, за исключением того, что будет способствовать улучшению его содержания (*neque quisquam post me dominium potestatemve eorum locorum habet nisi in hoc, [ut] melius colantur et conserantur perfricianturque*)).

Ф. Последние полторы строки первой страницы (I. 27–28) посвящены установлению сервитута для прохода и проезда к гробнице.

Г. Текст второй страницы начинается с клаузулы (II. 1–7), устанавливающей штрафные санкции за нарушение уже упоминавшегося запрета на погребение и сооружение надгробных памятников в непосредственной близости от гробницы (*in iis partibus et locis et saeptis eorum, quem ad modum supra scripsi*). В случае если такие посягательства на *ius sepulchri* произойдут по вине назначенного наследником Аквилы, его наследника либо наследников или эти лица не потребуют от своих наследников гарантии сохранения всего в установленном автором завещания виде, они будут обязаны уплатить сто сестерциев общине лингонов. И этот штраф устанавливается навечно в отношении всех хозяев участка (*haec poena omnibus dominis huius possessionis inferatur*).

Н. Далее следуют распоряжения по организации заупокойного культа (II. 7–17). Для этого все отпущенники и отпущенницы завещателя, получившие свободу при его жизни либо по настоящему завещанию, должны делать ежегодные взносы, а Аквила ежегодно предоставлять определенную сумму на приобретение еды и питья, которые должны выставляться и потребляться перед гробницей, расположенной в *Litaviciagi*, а сами отпущенники должны оставаться там, пока все это не будет съедено и выпито. Им же надлежит поочередно назначать из своих рядов кураторов для исполнения этой обязанности, а тем дается право истребовать денежные взносы. Забота об этом поручается Приску, Фебу, Филадельфу и Веру. На уже описанном выше алтаре жертвоприношения должны совершаться ежегодно в апрельские, майские, июньские, июльские, августовские и октябрьские календы.

И. В строках II. 17–22 внуку Сексту Юлию Аквиле, а также Макрину, сыну Регина, Сабину, сыну Думнедор(...), а Приску, отпущеннику и прокуратору завещателя дается поручение позаботиться о его похоронах и всех делах, связанных с погребением и сооружением гробницы (*mando autem curam funeris mei exequiarum et rerum omnium et aedificiorum monumentorumque meorum*). Автор завещания просит их взять на себя эту заботу (*eos rogo agant curam harum rerum omnium*) и проследить за соответствующим исполнением после его смерти того, о чем он распорядился (*eorumque probatio sit earum rerum, quas iussi post mortem meam fieri*).

К. Наконец, последние строки (II. 22–28) содержат повеление сжечь вместе с телом завещателя весь его охотничий инвентарь (*volo autem omne instrumentum meum, quod ad venandum et aucupandum paravi, mecum cremari*) и ряд других вещей. При этом скрупулезно перечисляются многочисленные предметы, в том числе оружие, одежда, обстановка.

При сравнении только что изложенного текста завещания с другими документами –

¹¹ Имеется в виду *lex privata*. Этим понятием обнималось оформленное волеизъявление одного (в случае завещания) либо двух или более (при различных сделках) частных лиц. См. *Guarino A. Storia del diritto romano*. 8 ed. Napoli, 1990. P. 131.

будь то надгробные надписи или фрагменты из произведений римских юристов – оказывается, что «завещание лингона» соединяет в себе как типичные, застывшие формулы, так и распоряжения весьма оригинальные. В числе последних особое место занимает финальная часть имеющегося текста (К), давно ставшая хрестоматийным примером в работах, посвященных, с одной стороны, охоте, а с другой стороны, галло-римской религии и верованиям, в особенности же представлениям о загробной жизни. Здесь заметим лишь, что римляне неодобрительно относились к обычаю сжигать и даже просто помещать вместе с умершими много вещей¹², поэтому исполнение этого последнего желания нельзя было обеспечить иначе, чем с помощью почтительного отношения к местной традиции¹³. Прочие же клаузулы завещания находят себе немалочисленные параллели как по форме, так и по содержанию¹⁴.

Прежде всего, это относится к запрету хоронить кого-либо еще в самой гробнице или на определенном расстоянии от нее, а также к установлению штрафа за его нарушение. Такие формулы встречаются во многих надгробных надписях как из Рима (FIRA III. 48. v. 104–108; CIL VI. 27593 = FIRA III. 83 f) и Италии, так и из провинций. Запрет этот основывался на праве. Преторский эдикт устанавливал ответственность того, кто «внес мертвого» на чужой участок (*qui mortuum in locum alienum intulit vel inferre curavit, tenebitur in factum actione*: Ulp. 25 ed. = D. 11. 7. 2. 1)¹⁵. Путем предъявления иска *in factum* совершившего это принуждали либо убрать внесенные останки либо уплатить цену участка, причем такой иск был «вечным» и мог предъявляться как наследником, так и против наследника¹⁶. В рассматриваемом нами завещании есть две клаузулы, посвященные этому запрету – D и G. Однако они не повторяют друг друга. В первой дается формулировка запрета и наследники призываются не позволять нарушить его (*id heres heredesque mei heredis ne sinito sinunto quaeque supra scripta sunt idem damnas damnates esto sunt ea omnia ita fieri neque aliter fieri*). Во второй же устанавливается соответствующий штраф и скорее всего имеются в виду прежде всего сами наследники, которых также запрещено хоронить в гробнице нашего лингона. Гарантия неприкосновенности и неизменности установленного порядка, которую наследники должны потребовать от своих наследников, видимо, и касается добровольного отказа от права быть похороненным в семейной гробнице. Так, Павел пишет, что при продаже участка гробницы, в которой *lege* (т.е. установленными ее создателем правилами или условиями договора купли-продажи) запрещено хоронить, недостаточно неформального соглашения (*rustum*) с теми, у кого есть право быть там похороненным, но необходима стипуляционная гарантия¹⁷. О праве завещателя требовать от наследников гарантии того, что никто не будет похоронен в его гробнице, свидетельствует и Ульпиан¹⁸.

¹² Ср., например, *Marcian.* 7 inst. = D. 30. 113. 5: *Ineptas voluntates defunctorum circa sepulturam (veluti vestes aut si qua alia supervacua ut in funus impendantur) non valere Papinianus libro tertio responsorum scribit.*

¹³ О существовавшем у галлов обычае сжигать вместе с умершими принадлежавшие им при жизни вещи см. *Caes.* B.G. 6. 19. 4; *Mela*, 3. 2. 19.

¹⁴ Исчерпывающий анализ многообразных аспектов правового регулирования *ius sepulchri* выходит за рамки темы данного сообщения, поэтому ограничимся лишь упоминанием нескольких работ: *De Domincis M.* II «*ius sepulchri*» nel diritto successorio romano // RIDA. 1966. XIII. P. 177–204; *Giorgi G.* Le multe sepolcrali in diritto romano. Bologna, 1910; *De Visscher F.* Le droit des tombeaux romains. Milano, 1963; *Kaser M.* Zum römischen Grabrecht // ZSS. 1978. 95. S. 15–92; *Tomulescu C.St.* Sur la *sententia Senecionis de sepulchris* // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 1976. 44. 1. P. 147–152.

¹⁵ Praetor ait: «Sive homo mortuus ossave hominis mortui in locum purum alterius aut in id sepulchrum, in quo ius non fuerit, illata esse dicentur». qui hoc fecit in factum actione tenetur et poena pecuniaria subicietur (Ulp. 25 ed. = D. 11. 7. 2. 2–3).

¹⁶ Is qui intulit mortuum in alienum locum, aut tollere id quod intulit aut loci pretium praestare cogitur per in factum actionem, quae tam heredi quam in heredem competit et perpetua est (*Gai.* 9 ed. prov. = D. 11. 7. 7 pr.).

¹⁷ Quod si locus monumenti hac lege venierit, ne in eum inferrentur, quos ius est inferri, pactum quidem ad hoc non sufficit, sed stipulatione id caveri oportet (*Paul.* 27 ed. = D. 11. 7. 11).

¹⁸ Si quis in hereditarium sepulchrum inferat, quamvis heres, tamen potest sepulchri violati teneri, si forte contra voluntatem testatoris intulit: licet enim cavere testatori, ne quis eo inferatur, ut rescripto imperatoris Antonini cavetur: servari enim voluntatem eius oportere (Ulp. ad ed. praet. = D. 47. 12. 3. 3).

К числу столь же распространенных принадлежит и клаузула об установлении сервитута для прохода и проезда к гробнице. В нашем тексте она сохранилась не полностью. Приведем только одну эпиграфическую параллель – надпись из Рима (CIL VI 12133 = FIRA III. 84 d), в которой устанавливается право свободного прохода к надгробному памятнику для всех отпущенников и отпущенниц покойного, которым наследник должен будет давать ключ для совершения жертвоприношений всякий раз, когда это будет необходимо¹⁹. Об установлении таких сервитутов (*iter ad sepulchrum*) не раз упоминается и в произведениях римских юристов (например, *Ulp.* 25 ed. = D. 11. 7. 12 pr.).

В завещательных распоряжениях, известных нам по надписям или текстам юристов, нередко встречается запрет на отчуждение гробницы²⁰ (ср. например: *Scaev.* 18 dig. = D. 33. 2. 34; FIRA III. 48, v. 92–94; CIL VI. 10219 = FIRA III. 82 a; CIL VI. 10848 = FIRA III. 82 d; CIL VI. 27627 = FIRA III. 82 l; CIL VI. 26445 = FIRA III. 82 f; CIL V. 952 = FIRA III. 82 g). В «завещании лингона» такого запрета не содержится, но на всех будущих хозяев места, на котором должна быть возведена гробница, налагаются известные ограничения в праве распоряжения своей собственностью, ибо *lex testamenti* запрещает им делать что-либо кроме улучшения и надлежащего содержания памятника в том виде, как его спланировал завещатель (E). Попутно заметим, что формула *lex monumenti* встречается и в других надписях²¹.

Об организации заупокойного культа силами рабов или отпущенников покойного, которым для этого должны предоставляться средства (*cibaria et vestiaria*) говорится в текстах юристов²², представляющих полную параллель клаузуле В разбираемого нами текста. Обычна и практика ежегодных жертвоприношений, устраиваемых на взносы отпущенников (H) или за счет доходов от оставленного им патроном имущества²³.

Поручения наследникам или друзьям относительно проведения похорон и возведения надгробных памятников также широко представлены в источниках²⁴. В нашем случае (I) это поручение сделано в форме фидеикомисса (*mando... curam... et eos rogo...*).

Таким образом, основное содержание «завещания лингона» вполне соответствует обычной римской практике, а его формулировки находят многочисленные параллели в эпиграфических и юридических источниках. Техничность этих формулировок порой даже вызывала у исследователей удивление уровнем романизации галло-римского населения²⁵, и поэтому возникал вопрос о том, кому принадлежит редакция завещания в столь совершенной форме. Вполне вероятно, что наш лингон прибегал к помощи тестаментария, об участии которого в составлении и записи текста завещаний упоминают римские юристы (*Ulp.* 5 Sab. = D. 28. 5. 9. 3–6; *Cels.* 15 dig. = D. 28. 1. 27). Таким сведущим помощником мог быть не обязательно юрист, а например, учитель, как следует из эпитафии школьного учителя из Капуи Фурия Филокала, жившего во

¹⁹ *in hoc monumento itus aditus ambitus libertis libertabusque meis omnibus pateat, heres clavem dato ad sacrificia facienda quotiensquomque opus erit.*

²⁰ Один из двух древних римских *leges de sepulchris*, о которых упоминает Цицерон, запрещал приобретение по давности участка перед гробницей. (*Quod autem FORUM, id est, vestibulum sepulchri BUSTUMVE USUCAPI vetat, tuetur ius sepulchrorum* – De leg. II. 24. 61).

²¹ Ср., например, CIL VI. 26445 = FIRA III. 82 f (*huic munimento intercedet lex ne donatio fiat*).

²² *Scaev.* 19 dig. = D. 34. 1. 17; *Scaev.* 20 dig. = D. 34. 1. 18. 5.

²³ Ср. CIL XIII. 2494 = FIRA III. 80 b; CIL V. 7454 = FIRA III. 81 g.

²⁴ Ср. *Gai.* 2 leg. ad ed. pr. = D. 35. 1. 17. 4 (*legatum sub modo*); *Scaev.* 33 dig. = D. 32. 42 (*ab utraque herede monumentum pro hereditariis portionibus instruendum*); *Ulp.* 6 disp. = D. 34. 5. 10 pr. (*condicio legati*); *Alf.* 5 dig. = D. 28. 5. 45; *Ulp.* 9 Sab. = D. 28. 7. 6 (*heredis institutio sub condicione*) e.a. См. также *Talamanca M.* *Istituzioni di diritto romano.* Milano, 1990. P. 756 sg.

²⁵ Отмечалось, что «завещание лингона» свидетельствует о достаточно глубоком усвоении римской завещательной практики римскими гражданами из провинциалов (см., например, *Amelotti M.* *Il testamento romano attraverso la prassi documentale. I. Le forme classiche di testamento.* Firenze, 1966. P. 19).

времена Августа и «подрабатывавшего» составлением завещаний (*idemque testamenta scripsit cum fide* – CIL X. 3969 = ILS 7763).

После того, как мы увидели, насколько типичными, а иногда и просто даже шаблонными, были формулировки, содержащиеся в «завещании лингона», можно вполне оценить действительное своеобразие документа, чтобы затем постараться понять, с какой целью он мог быть высечен на гробнице. Наиболее необычны его начало и конец: детальное описание надгробного памятника (А) и распоряжение о сжигании охотничьего инвентаря и ряда других вещей (К). Уже было отмечено, что последнее входило в явное противоречие с взглядами римских юристов. Теперь пришло время обратиться к первой части (А).

Очевидно, что завещатель был обеспокоен тем, чтобы его замысел был исполнен в точности. Как он мог этого добиться? Конечно, наследник был обязан исполнить последнюю волю покойного и возвести памятник, особенно если этого прямо требовало завещание (I). Однако насколько он был обязан в точности следовать пожеланиям завещателя? Ответ римских юристов на такой вопрос не был безусловным и однозначным²⁶. При рассмотрении этой темы властно вмешивались соображения учета социального и имущественного положения покойного, а также общая ориентация на ограничение расходов на погребение и особенно на возведение гробниц, исчерпывающее представление о которой дают пространные рассуждения Цицерона во второй книге его трактата «О законах». Иными словами, завещатель едва ли мог гарантировать исполнение в точности своей воли, надеясь лишь на средства правовой защиты, каковые были предусмотрены для защиты гробниц как от их осквернения, так и от иных нарушений *ius sepulchri*. В тех вопросах, где можно было рассчитывать на эту защиту, лингон при составлении завещания вполне мог обойтись готовыми типовыми формулировками. Напротив, там, где его воля выходила за пределы, установленные правовыми нормами, ему приходилось искать иных путей для того, чтобы гарантировать ее осуществление. Это вполне могло относиться к возведению такой роскошной гробницы, которая едва ли подобала его статусу при жизни (как и к распоряжению о сжигании охотничьего инвентаря). Чтобы обеспечить исполнение этих своих желаний, следовало в той или иной форме заручиться поддержкой общественного мнения. Поэтому представляется вполне возможным, что, повелевая высечь на гробнице ту часть завещания, в которой как раз и содержались распоряжения, относящиеся к погребению, организации заупокойного культа и сооружению самой этой гробницы, лингон предъявлял контролю окружающих то, насколько верно исполнил его последнюю волю наследник.

В таком поведении можно было бы усматривать восходящее к глубокой древности понимание *testamentum* как обращения к коллективу сограждан с просьбой засвидетельствовать последнюю волю завещателя²⁷. В классическую эпоху претор обязан был при вскрытии завещания обеспечить присутствие свидетелей, поставивших подписи при его составлении (*signatores*), чтобы те подтвердили, что *sigilla*, которыми запечатывались таблички, принадлежат именно им (*Ulp. 50 ad ed. = D. 29. 3. 4*). За этой фразой Ульпиана в Дигестах следует обобщение Павла: «Ведь успешное доведение до конца последнего волеизъявления людей служит общественной пользе» (*publice enim expedit suprema hominum iudicia exitum habere* – Paul. 8 ad Plaut. = D. 29. 3. 5). Возможно, и лингон, повелевая высечь на гробнице свои завещательные распоряжения, относящиеся к ее постройке и собственному погребению, некоторым образом призывал в свидетели (*testes*) тех, кто в будущем прочтет эту надпись.

Разумеется, это не более чем предположение. Однако представляется, что эти соображения могли бы соответствовать логике поступков человека, образ которого проступает за строками «завещания лингона». Ясно, что он был весьма богат и стремился это свое богатство выставить напоказ. Такое поведение принято связывать

²⁶ Cf. *Paul. l.s. ad l. Falcid.* = D. 35. 2. 1. 19; *Alf. 5 dig.* = D. 35. 1. 27; *Marcell. 22 dig.* = D. 35. 2. 2.

²⁷ О роли *populus* как *testis* см., например, *Biondi. Op. cit.* P. 116 sg.

с людьми, лишь недавно добившимися жизненного успеха. Каким именно было социальное положение нашего героя, определить в точности не представляется возможным. У нас нет никаких данных о его *cursus honorum*, хотя ничто не мешает предположить, что он исполнял какие-то магистратуры в родной *civitas*. Лингон составляет завещание в соответствии с нормами римского права, а его внук и наследник носит римское имя – это достаточно убедительные аргументы в пользу того, что сам он был римским гражданином. Вместе с тем имена друзей-душеприказчиков – Макрин, сын Регина, и Сабин, сын Думнедор(...)а – говорят скорее о принадлежности их носителей к числу перегринов²⁸. Так что перед нами, вероятнее всего, представитель той группы провинциальной элиты, которая сформировалась в Косматой (или Великой) Галлии во второй половине – конце I в. н.э., выйдя на первый план после того, как составившие «первый эшелон» галло-римской знати «Юлии» исчезли из поля нашего зрения в результате бурных событий рубежа 60–70-х гг.²⁹ Это была в основе своей землевладельческая элита, социальное возвышение которой было в значительной степени обусловлено ее интеграцией в социально-экономические структуры Римской империи. Воспользовавшись словами П. Бурдьё, можно сказать, что положение тех, кто принадлежал к этому слою, определялось преобладанием «экономического капитала» над «социальным»³⁰, и они нуждались в дополнительном самоутверждении. Не случайно именно такими людьми в Галлии были возведены знаменитые надгробные памятники, при обсуждении которых речь нередко заходит о вкусах и привычках выскочек и новых богачей (колонна из Игеля и др.)³¹. Между прочим, и в самом «завещании лингона» есть еще одна деталь, наводящая на подобные мысли: это упоминание в качестве элемента будущей гробницы лектики – носилок, в пользовании которыми некоторые римляне усматривали «эпатирующую демонстрацию богатства»³².

Сходную модель поведения демонстрирует и хрестоматийный образец людей такого рода – конечно, это Тримальхион³³. Вспомним, как он на пиру, обращаясь ко всем собравшимся, читает свое завещание (*haec... omnia publico*) и между прочим спрашивает архитектора Габинну, исполнит ли тот в точности его разнообразные и прихотливые пожелания относительно надгробного памятника (*Petr. Sat. 71*). Думается, здесь мы имеем дело не только с желанием выставить напоказ свое богатство, но с той же апелляцией к будущему контролю общественного мнения за исполнением последней воли.

Таким образом, рассмотрение завещательной практики римлян, пределов и способов ее правового регулирования подводит к выводу о том, что не все последние желания могли быть в равной степени защищены с точки зрения их учета и гарантий осуществления. Там, где воля завещателя на находила достаточной опоры в нормах права, расчет вполне мог делаться на давление общественного мнения. В рамках именно такого поведения представляется совершенно оправданной мысль поместить

²⁸ Alföldy G. Notes sur la relation entre le droit de cité et la nomenclature dans l'Empire romain // *Latomus*. 1966. XXV. P. 37–57.

²⁹ Drinkwater J.F. A Note on Local Careers in the Three Gauls Under the Early Empire // *Britannia*. 1979. X. P. 89–100; Ляпустина Е.В. Романизация провинций и формирование галло-римской знати // *Элита и этнос средневековья*. М., 1995. С. 9–18.

³⁰ Bourdieu P. *Choses dites*. P., 1987. P. 131, 160 *suiv.*

³¹ Rostovtzeff M. *Histoire économique et sociale de l'Empire romain*. Paris, 1988. P. 480 *suiv.*; Heinen H. Trier und das Trevererland in römischer Zeit. Trier, 1985. S. 168 *ff.*

³² Кнабе Г.С. Носилки, консервативная мораль и характер культуры // *он же*. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986. С. 119.

³³ Адриан Пиотровский говорил о «тупом чванстве и нелепом самодовольстве» Тримальхиона, сделавшими нарицательным в веках его имя. Великолепная надгробная надпись, увенчавшая жизненный путь этого «ростовщика из отпущенников» находит аналогии в десятках сохранившихся подлинных надписей, доказывая, «до какой степени близко к действительности держался здесь Петроний, несмотря на всю манерность его характеристики» (*Петроний Арбитр*. Сатирикон. М.-Л., 1924. Предисловие. С. 9 *сл.*). См. также Veyne P. *Vie de Trimalcion* // *AESC*. 1961. 2 = *idem*. *La société romaine*. P., 1991. P. 13–56.

на гробнице надпись, содержащую детальное ее описание. Да и само то, что сохранившийся в рукописи текст посвящен только вопросам, связанным с погребением, косвенно свидетельствует в пользу своей завершенности: иные части завещания высекать на гробнице не имело никакого смысла.

Е.В. Ляпустина

WAS THE LINGON'S WILL AN INSCRIPTION ON THE TOMB?

Ye.V. Lyapustina

The text (CIL XIII. 5708) which survived as a folium in the manuscript of the X c. is an extensive fragment of a will usually dated to the II c. A.D. The author compares some parts of the document with epigraphic and legal texts to show to what extent its formulations are typical. The most peculiar are the first ten lines of the text containing a detailed description of the tomb to be built. It is because of these prescriptions that the traditional point of view that the text in question was copied from the inscription on the tomb has lately been challenged. However, there is no reason to see a contradiction in the fact that the tomb, when erected, contained an inscription with detailed instructions for its construction. The analysis of the legal norms referring to the protection of burials and organization of funerals proves that as for as the design of the tomb was concerned, the will of a testator had no effective legal guarantees. So that the person who wanted to make sure that the tomb was made in accordance with his vision had to secure support and sympathy of «public opinion». Similar behaviour pattern can be observed in the episode of the public reading of Trimalchio's will (Petr. Sat. 71).

Besides, there is one more argument in favour of the opinion that the handwritten text goes back to the inscription on the tomb of a rich Gallo-Roman. The part of the will that has survived is devoted to the description of the tomb, its legal defense, organization of the funeral service and the burial itself. It is not accidental that the text contains no other parts of the will (such as appointment of an heir and instruction concerning property disposal): it may mean that the surviving copy was not made from of the full text of the will on a tablet or parchment, but from the inscription on the tomb containing only appropriate instruction, and the inscription itself at the moment of copying may have been incomplete.

© 1998 г.

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ МОНАХОВ В ЕГИПТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV в.*

Как известно, во второй половине IV в. монашество становится столь мощным социальным институтом, столь влиятельной силой позднеримской империи, что привлекает к себе внимание всего общества – как язычников, так и христиан, как частных лиц, так и власть предержащих во главе с императором. Создается обширная монашеская литература, посвященная обоснованию монашеского подвига, прославлению выдающихся представителей монашеского движения. Возникает новый вид паломничества – в знаменитые обители или к знаменитым отшельникам.

С другой стороны, наряду с воззрением на монахов как на «соль земли» существовала и прямо противоположная точка зрения – на них смотрели как на бездельников, дармоедов, подрывающих устои государства, сманивающих молодых, здоровых юно-

* Автор выражает благодарность М.И. Левандовскому за помощь в компьютерной обработке данных.